

О СОСЕДСТВЕ, ИЛИ АГАТА КРИСТИ В СТАМБУЛЕ

Александар Прокопиев

Институт македонской литературы, Македония

This text is concerned with the opposing in the meaning of the word «komshija» trough a socially cultural context, in the past and nowadays. The word «komshija» is of Turkish origin, accepted by the languages of the balcanian nations that had been several centuries under Turkish domination. In the sense of communication, the relations between the neighbours had always been diverse, contradictory, but nevertheless close. As such, for a long time they stood to be the inspiration of many anecdotes, different forms of folklore and later of literature as well. Today, on the contrary, in this urban balcanian life, transitional and alienated as it is, the term «komshija» seems to be loosing its intimate essence, as it is slowly being replaced by another type of intimate human relations, strongly influenced by the Internet. Apparently, the prior «komshija» is meant to rest in peace in the photo album of past times.

Недавно европейский центр культурных изданий «Еврозин» провел в Стамбуле восемнадцатую по счету конференцию, тема которой на этот раз была обозначена как «Комшилук». Это турецкое слово проникло во все балканские языки и обозначает «соседство». Во встрече участвовали писатели и редакторы пятидесяти авторитетных изданий – от финского «Нуори Воима» до турецкого «Когито». Хозяином прекрасно организованной встречи выступило книжное издательство «Варлик», наполнившее ее истинно восточными теплотой и дружелюбием. Нас разместили в отеле «Пера Палас», построенном в 1892 г. (кстати, в год рождения Тито и Иво Андрича) и живущем уже третий свой век со времен султана Абдул-Хамида II¹. И хотя облик того, прежнего, и сегодняшнего, «новотысячелетнего», отелей различны, он все же остается настоящей рухлядью среди отелей, в котором лишь со второго раза закрываются двери скрипучих шкафов, ковры и кресла вытерты, как в обедневших семьях в довоенные годы, а продолговатые окна открываются при малейшем сквозняке. Лифт в этом отеле, возможно, самый старей в Стамбуле, с бархатной кушеткой внутри и мальчиком-лифтером в очечках – таким мистером Магу² в выцветшей униформе портье. И все-таки это, несомненно, изысканный отель, почти половина комнат которого могут похвастаться позолоченным табличками, на которых написано, что когда-то в далеком далеке в них ночевали Мата Хари, Джекки Кеннеди, Троцкий, Реза Пехлеви³, уже упомянутый Тито и многие другие славные личности.

Доклады и дискуссии о проблеме соседства ожидаемо сконцентрировались на Турции и ее позиции по отношению как к ближайшим соседям, так и к Европейскому Союзу. Для меня особенно любопытным в контексте общего стремления к европеизации было сопоставление специфического положения между Востоком и Западом большой и экономически мощной Турции и Македонии, окруженной полуврагами-полусоседями. Понятно, что степень сближения с соседями, как и дружба вообще, зависит от уровня

© А. Прокопиев, 2006

¹ *Абдул-Хамид II* (Abdulhamit) (1842–1918), турецкий султан в 1876–1909 гг. Установил деспотический режим. Турция при нем превратилась в полуколонию западно-европейских держав. После Младотурецкой революции 1908 г. низложен. В литературе получил прозвище «кровавого султана» (*здесь и далее примечания переводчика*).

² *Мистер Магу* – персонаж одноименных комиксов и герой голливудской комедии «Мистер Магу» (1997 г., реж. Стенли Тонг), который очень плохо видит, что и стало основой комедийных ситуаций.

³ *Мохаммед Реза Пехлеви* (1919–1980), шах Ирана в 1941–1979 гг., из династии Пехлеви. Сын Реза-шаха Пехлеви. В 1979 г. свергнут и изгнан из страны.

взаимопонимания в смысле монтеневского «потому что есть он, потому что есть я». Это особенно ощутимо в сфере культуры и литературы, где вы можете прочувствовать литературное соседство благодаря произведениям, например, Андрича, Памука, Кавафиса, Кадаре, Константинова, Крлежи, Албахари⁴... Это не мешает вам ощущать, согласно тому самому монтеневскому, человеческому и читательскому, инстинкту, и некую близость к географически отдаленным Маркесу, Кортасару и Льесе. Еще Фрейд подчеркнул, что мы боимся близких соседей, а далеких иностранцев идеализируем и что эволюция образа соседа от маленькой куклы до огромного пугала в нашем сознании зачастую непосредственно связана со страхом потерять идентичность, если наша территория находится под угрозой. Однако только культура и творческая открытость вызывают взаимное любопытство и даже «влюбленность» соседей.

С другой стороны, понятно, что политике нет равным счетом никакого дела до эстетики. Неумелая политика довольно легко смешивает историю и географию, актуальное и прошлое, а искусством интересуется лишь тогда, когда последнее может оказаться полезным в политических комбинациях. Политики могут «играть», например, на стремлении искусства к правде или использовать его в качестве союзника, манипулируя суетными чаяниями художника, «заполучая» и «приручая» его при помощи признания и наград. И раньше, и сегодня политика словно бы помещает свое «славное» прошлое и настоящее в особые ящички, из которых при случае извлекает свои достижения – от патриотического сопротивления до геноцида. Исходя из бесцеремонного утилитаризма, политики манипулируют и соседскими отношениями народов, чаще всего спекулируя на борьбе за территорию, когда пространство становится важнее времени, точнее само время (общая история) оказывается заложником пространства. Регулирование и исправление границ (межей) – это давний больной вопрос всяких соседских отношений. Разграничение своей и чужой территории в процессе истории всегда проводилось победившей стороной на «спине» поверженного соседа. В эпоху глобализации «освоение территорий» получило и более тонкую, внешне ненасильственную стратегию. Например, в балканском переходном и пограничном пространстве большие «соседские» компании (греческие, венгерские, словенские) инвестируют капиталы в ставшие немощными отечественные гиганты, тем самым «оккупируя» их, что, впрочем, не мешает каким-нибудь более сильным компаниям «соседей» завладеть и этими предприятиями!

Как уже было сказано, «комшия» (сосед) – один из многочисленных турцизмов, бытующих в языках народов, некогда входивших в Османскую империю. Это словечуностранец не только давно одомашнено в бытовом общении, но и породило много народных сказок, анекдотов, рассказов и драматических произведений. Выйдя из мира устной речи (соседских разговоров), тема взаимоотношений соседей обильно проявилась и в художественной литературе. Чаще всего она окрашена юмористической или гротескной интонацией, но может быть не лишена и трагичной коннотации. И понятно почему! Самые бурные скандалы между соседями и в жизни, и в литературе происходят как раз из-за территории. Эта тема, кстати, часто появляется в фильмах: один сосед

⁴ *Иво Андрич* (1892–1975) – крупнейший боснийский писатель, классик литературы югославянских народов, Нобелевский лауреат 1961 г.; *Орхан Памук* (р. 1952) – турецкий писатель, «турецкий Умберто Эко», как называют его на Западе, лауреат Международной дублинской премии ИМАС за роман «Меня зовут Красный» (2001), опубликованный в США, лауреат Нобелевской премии; *Константинос П. Кавафис* (1863–1933) – греческий поэт, называемый реформатором и основоположником новой греческой литературы; *Исмаил Кадаре* (р. 1936) – албанский писатель и поэт, лауреат Международной литературной премии «Букер» за 2005 г., с 1990 г. живет во Франции; *Алеко Константинов* (1863–1897) – болгарский писатель и общественный деятель, автор цикла сатирических рассказов «Бай Ганю» (1895); *Мирослав Крлежа* (1893–1981) – хорватский писатель, драматург, поэт, публицист, патриарх литературы Югославии; *Давид Албахари* (р. 1948) – сербский писатель, его роман «Приманка», вышедший в Германии в переводе с сербского, назван там лучшей книгой 2002 г.

спокоен и терпелив, другой агрессивен и назойлив, а кульминацией их конфликта становится поединок один на один, когда терпеливый становится грубее и разнужданнее агрессора. В таких фильмах соседи-антагонисты живут в собственных домах с садами, что уже все менее характерно для сегодняшнего соседства, протекающего в условиях городской жизни. Жители старых окраин, дворов и двориков⁵ переселились в серые, более или менее однообразные многоэтажки, а многие из прежних соседей разъехались в разные части города или даже в разные страны.

Проблемы, неврозы и дурные взаимоотношения только умножаются в соответствии с возрастающим количеством соседей в городских домах. Городские жители вынуждены существовать под давлением переполненных парковок, сомнительных типов, наркоманов и преступников, околачивающихся у испачканных подъездов со сломанными почтовыми ящиками, занятых лифтов, слишком тонких стен, через которые грохот «бьет по головам» жильцов. Остроумно замечено, что сегодня миром правит троица €€\$ и чувства легко заменяются прагматикой, а душевное родство – корыстью. И само обращение «сосед», «комшия» из когда-то задушевного дружеского приветствия превратилось почти в оскорбление для некоторых разбогатевших соседей. От доброго соседства – к назойливости, от непринужденного воскресного кофе – к фронтальному наступлению (со словами или с топором). Все это, оказывается, возможно в мире соседей! Кризис аутентичности жизненного пространства является частью общего экзистенциального кризиса, который внезапно обрушился на современного человека, находящегося в ситуации перманентного пограничья. Во времена моего деда специфика городской жизни проявлялась в различиях районов и окраин (дом одного моего деда находился в Пайко, а другого – в Буняковце⁶). «Пайкомаалец», «дебармаалец», «воднянец»⁷ гордо именовали и позиционировали себя жителями определенных районов города. В этом, традиционном, смысле соседство с характерным для него единением было прямо противопоставлено понятию «граница», в котором изначально заложены раздвоенность и отделение. Сегодня же вместе с ускоренным разрушением традиционных окраин сама категория соседства в Скопье, как, впрочем, и во всех современных городах, все больше страдает от напряженного «синдрома границы». Нет демаркационных линий, виз и таможен, однако гораздо больше наглухо закрытых дверей, включенной сигнализации и недоверия. Мир Internet эффективно заменил традиционные соседские отношения, сегодня мы сближаемся и даже вступаем в доверительные отношения с находящимися на огромном расстоянии людьми, в то время как соседей по этажу мы тщательно избегаем и чураемся. Internet оптимально использует и технологически подкрепляет ту врожденную человеческую жажду «соседской» коммуникации, которая подавляется в современной жизни.

Но и в манипулирующей человеком и угрожающей ему сегодняшней действительности, и в будущем в каждом из нас существует (и работает) дух любопытства. В некотором смысле именно любопытство привело меня в «Пера Палас» к одной интересной «соседской» истории.

Как я уже говорил, отель, возможно, выглядел обшарпанным, но в этом крылась его привлекательность как достойной декорации для мистической истории Агаты Кристи. Не истории, придуманной писательницей, которая создала «Убийство в Восточном экспрессе» как раз в «Пера Палас» (отель был построен для путешественников, которые

⁵ Все эти слова пришли в македонский язык из турецкого: *маало* – окраина, *авлија* – двор, *капцик* – калитка, разделяющая два дворика.

⁶ Районы в Скопье.

⁷ Жители районов Пайко, Дебар, Водно в Скопье.

приезжали из Парижа в Стамбул), а истории *об Агате*, вернее о ключике от ее тайного дневника.

Так вот, в 1979 г., три года спустя после смерти создательницы остроумного и обаятельного Эркюля Пуаро и мисс Марпл, известная голливудская ясновидящая и медиум Тамара Ренд на одном из спиритических сеансов вызвала «дух» писательницы. «Дух» поведал о том, что ключик от тайного дневника Агаты сокрыт в 411 номере стамбульского отеля. Известие стало сенсацией, и 7 марта многочисленные турецкие и иностранные журналисты толкались перед 411 номером, пока госпожа Ренд, находящаяся в транс, прямо из Лос-Анджелеса по телефону вела прямое «расследование». Согласно ее указаниям, комната была обыскана, и ключик, запыленный и наполовину ржавый, обнаружен. Я жил тогда на том же этаже, в номере 420, совсем рядом с комнатой Агаты, потому что, будучи последней в коридоре, ее комната соседствовала с моей. Как я уже говорил, моими «соседями» были Троцкий, Грета Гарбо, Марлен Дитрих, Ататюрк⁸ и многие другие звезды истории, искусства, кино и шоу-бизнеса. Переполненный впечатлениями, я долго не мог уснуть в своей старомодной гостиничной кровати с позолоченными прутьями, прислушиваясь к шепоту моих соседей по «Пера Палас».

В тот вечер, когда я услышал историю об Агате Кристи в «Пера Палас», мы плыли по Босфору на пароходе, наполненном веселыми и полупьяными писателями и издателями, раскачивались, то ли на волнах, то ли от алкоголя, два часа, три; плавание продолжалось, пароход шел все в том же направлении. На том и на другом берегу – прекрасные здания, европейские, ориентальные, старые, новые, и так без конца. Я сказал моим беззаботным спутникам: «Мы с вами как будто на субмарине (желтой), и все, что нас окружает, вовсе не Стамбул, а какой-то многоликий город-чудовище без начала и конца». Владелец теплохода, узнав, что я из Македонии, пригласил меня подняться на палубу и церемонно передал мне штурвал. И вот я, совершенно неготовый к высокой роли кормчего, управляю пароходом; как назло именно в это время начинается дождь, но я продолжаю вести корабль по Босфору, ободряемый моим «соседом», капитаном, словно по середине какого-нибудь широкого бульвара.

Перевод с макед. М. Проскурниной

⁸ *Мустафа Кемаль Ататюрк* (1881–1938) – турецкий политик, с 1923 г. первый президент Турецкой Республики. Настоящее имя – Гази Мустафа Кемаль-паша. 24 ноября 1934 г. турецкий парламент присвоил ему имя «Ататюрк» (отец турков).